

Е.Е. ФИАЛКО

ЗОЛОТОЙ ДЕКОР КОСТЮМОВ ИЗ БЕРДЯНСКОГО КУРГАНА

В костюмный ансамбль скифов, помимо собственно одежды и обуви, входит большое количество различных дополнительных деталей и аксессуаров. Это и пояса, и небольшие сумочки-мешочки, и наборы съемных украшений, и накладной (или точнее нашивной) декор различных элементов костюма – от головных уборов до обуви. Представители кочевой элиты причерноморских степей предпочитали золотые украшения. При этом аппликативные бляшки едва ли не наиболее представительная категория украшений как по численности, так и по разнообразию типов и сюжетов. Несмотря на немилосердную разграбленность большинства скифских могил, в некоторых из них сохранились наборы нашивных украшений, утерянных грабителями. Как правило, комплекты таких декоративных элементов, происходящие из разных погребальных комплексов, представляют собой высокохудожественные образцы греко-варварской торевтики. При этом они отличаются количеством задействованных сюжетов и образов, манерой и мастерством их исполнения и сочетаемостью различных групп пластинок. Сопоставление наборов аппликаций позволяет не только ранжировать представителей скифского общества, а соответственно и их усыпальницы – курганы, из которых они происходят, но и уточнить хронологическую позицию последних.

Представленная статья посвящена анализу серии золотых нашивных украшений из Бердянского кургана – усыпальницы скифского номарха Северного Приазовья. Курган, расположенный близ с. Нововасильевка Бердянского р-на Запорожской области, исследовался в течение полевого сезона, растянувшегося на год (1977-1978 гг.) [Болтрик, Фиалко, Чередниченко, 1994]. Золотые бляшки сохранились в двух могилах этого кургана – Центральной и Восточной.

Систематизация аппликативных украшений из Бердянского кургана (безотносительно их принадлежности к тем или иным элементам одежды) позволяет разделить их по сюжетам изображений на *19 типов*, при этом некоторые из них представлены несколькими вариантами. Общее количество сохранившихся бляшек – *2291* целый экземпляр (не считая 256 обломков различной величины). В *Центральной могиле* найдено *2228 экз.* бляшек, которые распадаются на *17 типов*, в *Восточной могиле* – *63 экз.* бляшек *7 типов*. При этом в комплексах обеих могил совпадают только пять типов этих украшений.

Весь набор аппликаций делится на три разновеликих группы:

1. с орнаментальными «геометрическими» мотивами;
2. с зооморфными изображениями;
3. с антропоморфными сюжетами.

Соотношение типов и количества экземпляров по группам следующее:

№№	Группа	Кол-во типов	Кол-во экз.
1.	геометрические	4	1724
2.	зооморфные	11	372
3.	антропоморфные	4	195

1 группа аппликаций – с «геометрическими» мотивами. С учетом количественного соотношения, типы штампованных бляшек в этой группе выстраиваются следующим образом.

1. Первое место по численности занимают **треугольники, украшенные псевдозернью** (1093 экз.). Они найдены в обеих могилах: в Восточной – 48 экз., в Центральной – 1045 экз. (рис. 1, 1-4). Различается шесть вариантов треугольников: по конфигурации (равносторонние и равнобедренные), размеру (длина стороны от 0,8 до 2,2 см), количеству выпуклин и четкости штампа.

При этом в *Восточной могиле* сохранились треугольники только одного варианта: равнобедренные размерами 1,3 x 1,1 см (48 экз.), самые маленькие среди равнобедренных треугольных бляшек. В *Центральной могиле* сохранилось три варианта равнобедренных треугольников (529 экз.) размерами: 1,5-1,7 x 1,9-2,0 см (110 экз.); 1,8-2,2 x 2,2-2,6 см (418 экз.); 2,2 x 2,4 см (1 экз.) и два варианта равносторонних треугольников (516 экз.) с размерами сторон: 0,8 см (464 экз.) и 1,3-1,4 см (52 экз.). На оборотной стороне большинства особенно мелких треугольных бляшек по углам напаяны проволочные петельки для крепления к основе. В местах их утрат пробиты отверстия. Экземпляры из Восточной могилы крепились к основе через пробитые в уголках отверстия.

2. За треугольниками идут **крестовидные бляшки**, образованные пятью рельефными кружками (570 экз.) (рис. 1, 5). Каждый кружок ограничен выпуклым пояском и украшен округлым умбоновидным выступом в центре. Только одна такая бляшка (размерами 1,7 x 1,8 см) найдена в *Восточной могиле*. Остальные экземпляры происходят из *Центральной могилы*, где они представлены двумя вариантами: размерами соответственно 1,6-2,0 x 1,6-2,0 см (3 экз.) и 1,7 x 1,8 см (566 экз.). На оборотной стороне большинства припаяно по четыре проволочных петельки, в случае утери которых пробивались крепежные отверстия.

3. Следующий тип – **бляшки-пуговики** в виде маленьких гладких полусфер (56 экз.), найденные только в *Центральной могиле* (рис. 1, 6). Все бляшки одинаковые по размеру – диаметром 0,7 см, с припаянными на обороте пластинчатыми петельками.

4. И наконец, бляшки в виде **треугольника, образованного тремя полусферами**

(5 целых экз. и 1 фрагмент). Каждую гладкую полусферу окружает рельефный ободок псевдозерни (рис. 1, 7). Все экземпляры одного размера – 1,7 x 1,5 см. На обороте припаяны крепежные петельки. Одна такая бляшка найдена в *Центральной могиле*, остальные – в *Восточной могиле*.

Относительно первых трех типов следует заметить, что они вполне обычны для скифских памятников. Такие украшения появляются на рубеже V–IV вв. до н.э. (красовидные – к.1 у с. Первомаевка [Евдокимов, Фридман, 1987, рис. 8]) и существуют до рубежа IV – III вв. до н.э. (Александрополь – все три типа, Рыжановский курган – треугольники). В более ранних памятниках их нет. По поводу треугольников с псевдозерней можно добавить, что в захоронениях представителей аристократии, как правило, присутствует несколько вариантов разновеликих треугольников, составлявших, очевидно, плотные орнаментальные полосы-окантовки на одежде (Солоха, Огуз, Чертомлык, Куль-Оба, Мелитопольский курган, Деев курган, Чмырева Могила, Большая Близница и другие).

Бляшки четвертого типа заслуживают особого внимания. Они относительно редки в скифских памятниках, хотя аналогии им известны в погребениях на территории различных регионов (рис. 2, 2-10). Такие украшения найдены в курганах *Приднепровской лесостепи* второй половины V–IV вв. до н.э.: № 2 у с. Яблоновка, № 1 у с. Макеевка, у с. Будки, № 402 у с. Журовка, № 1 (1995 г.) в урочище Марченки; № 2 (23) (2001 г.) Перещепинского курганного некрополя-1 [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, рис. 30,23,24; 41,49; Ильинская, 1968, табл. 33,4-7; Петренко, 1967, табл. 19,14-17; Кулатова, Супруненко, 2001, с. 103-105; 2002, с. 167-168]. В кургане № 460 у с. Турия (1-ая половина V в. до н.э.) обнаружена треугольная бляшка с прорезью в центре, украшенная мелкими розетками (рис. 2, 1). В памятниках *Украинской степи* – Шульговке, Казенной Могиле, кургане № 5 у с. Архангельская Слобода, кургане № 3 у с. Богдановка и др. [Онайко, 1970, табл. 17, 498-м; Бидзиля и др., 1975, табл. 73; Лесков, 1972, рис. 34; Битковский, Полин, 1987, рис. 8] и др. Аналогичные украшения фиксируются и в Среднем Подонье – курганах №№ 11/16 у с. Мастюгино; №№ 3, 9 и 11 в урочище Частые курганы; № 4 у с. Дуровка; № 5 у с. Терновое; №№ 1 и 5 у с. Колбино [Либеров, 1965, табл. 33,6; 24,67; Замятин, 1946, рис. 10,23; Пузикова, 2001, рис. 6,2; 18,6-9; Савченко, 2001, рис. 10,18-19; 19,9; 26,6-8].

Обзор бляшек этого типа позволил сделать ряд наблюдений.

I. Наиболее ранние образцы подобных аппликаций известны только на территории Украинской лесостепи, при этом они отличаются от бердянских оформлением: их полусферы оконтурены гладкими концентрическими валиками (рис. 2, 11-19) (курган № 100 у с. Синявка, курган № 35 у с. Бобрица, Курган № 13 (?) у с. Прусы, курган № 407 у с. Журовка, курган № 13 у хут. Поповка, курган № 2 в уроч. Осняги, курган у с. Глеваха, курган № 1 (2003 г.) в урочище Марченки, курган у с. Иванковичи и др.), либо гладкие полусферы вообще не имеют контура (рис. 2, 20-21) (курган № 2 у с. Долиняны, курган «Червона Могила» у с. Флярковка) [Ковпаненко,

1981; 1984; Ковпаненко и др., 1989; Іллінська, 1971.; Ильинская, 1968; 1975; Шрамко, 1987; Тереножкин, 1954; Черненко и др., 2004; Скорый и др., 2001; Смирнова, 1977; Фиалко, 2006].

II. Треугольные бляшки из строенных концентрических кружков обнаружены в комплексах, датирующихся в пределах второй половины VII–VI вв. до н.э. К числу наиболее ранних относятся экземпляры из кургана в урочище Марченки (вторая половина VII – начало VI вв. до н.э.). Наиболее поздними можно считать, по всей видимости, экземпляры из кургана в урочище Осняги (VI в. до н.э., скорее первая его половина). Основная же масса таких аппликаций происходит из погребений рубежа VII – VI – начала VI вв. до н.э. И доживают они до середины VI в. до н.э. Этот ранний вариант треугольных бляшек как будто имеет западные гальштатские корни. При этом в мужских захоронениях такие аппликации соотносятся с керамическими сосудами, а в женских – с головными уборами. С начала V в. до н.э. в памятниках Приднепровской лесостепи появляются похожие, но иначе оформленные бляшки. Сохраняя в общем внешние очертания, они орнаментированы уже в иной, очевидно, античной традиции. Вместо концентрических кругов на этих бляшках появляются пояски-розетки (за счет оформления контуров кружков поясками псевдозерни). В степи последние довольно редки – вместе с Бердянским курганом известно всего пять случаев их находок, причем появляются они с конца V в. до н.э. (Богдановка) и существуют только в начале IV в. до н.э. Среди аппликаций из многочисленных курганов второй половины IV в. до н.э. таких экземпляров нет. Исключение составляет лишь курган Шульговка. А во второй половине IV в. до н.э. они появляются в Подонье и тоже в отдельных немногочисленных памятниках [Фиалко, 2006].

III. Можно предположить, что мода на такие украшения распространялась в восточном направлении – в степные памятники этот тип аппликаций попадает из Лесостепи (но, судя по всему, не приживается и здесь) и далее проявляется на Среднем Дону. Таким образом, рассмотренный выше тип штампованных бляшек маркирует относительно ранние (конец V – начало IV вв. до н.э.) погребальные комплексы степи.

2 группа аппликаций – с зооморфными изображениями. Эта группа, как видно из приведенной выше таблицы, включает наибольшее количество (11) типов. По сюжету их можно объединить в три условные подгруппы: копытные; кошачьи хищники и фантастические существа.

Подгруппа копытных представлена единственной бляшкой с изображением *лося* (рис. 3, 1) из грабительского хода *Центральной* могилы. Фигура животного в невысоком рельефе передана в профиль с подогнутыми «внахлест» ногами. Повернутую назад голову с мощной горбатой мордой венчает «корона» симметричных рогов. Рисунок занимает всю поверхность пластины, ограниченной рельефным бортиком, украшенным псевдозернью. На оборотной стороне напаяны проволочные петельки для нашивания, расположенные по углам. Размеры бляшки – 2,4 x 2,0 см. Бляшка оригинальна.

В степной Скифии изображения полной фигуры лося практически не известны [Кантарович, 1994, с. 7]. Исключение составляют лишь аппликации из кургана Солоха [Манцевич, 1987, кат. 39]. Однако сходство последних с бердянскими заканчивается на сюжетном уровне, стилистика и композиция совершенно различны. Фигуры или отдельные изображения головы лося были весьма популярны в Лесостепи. Наиболее близким соответствием бердянскому изображению является фигура лося на бронзовой пластинке из Журовского кургана Г [Scythian art, 1986, № 62] первой половины V в. до н.э. Здесь же уместно вспомнить и золотую диадему с изображением восьми лосиных головок из кургана № 4 у с. Новоселки [Bydlowski, 1904, рис. 6], на которой рога практически идентичны изображениям на бердянском экземпляре. Захоронение датируется первой половиной IV в. до н.э. [Бессонова, 1994, с. 211]. В качестве аналогий, думается, возможно привлечь и три костяные пластинки – украшения конской узды с изображениями двух лежащих рядом лошадей из кургана № 2 у с. Жаботин [Древности..., 1900, табл. 61] и три золотые бляшки с изображением лежащего козла с запрокинутой назад головой из кургана, раскопанного В.В. Хвойкой у с. Прусы [Древности..., 1899, табл. 7]. Эти находки датируются соответственно второй половиной VII – VI вв. до н.э. и концом V – началом IV вв. до н.э. [Ковпаненко и др., 1989, с. 156, 159].

Наиболее характерная поза для изображения копытных – с поджатыми ногами и повернутой назад головой. Изображение лося на бердянской бляшке соответствует иконографии копытных в произведениях искусства Степи и Лесостепи V – начала IV вв. до н.э. [Шкурко, 1976, с. 99].

Подгруппа кошачьих хищников включает изображения льва и пантеры. Львы представлены на бляшках трех типов, пантера – на бляшках одного типа.

1. Из Центральной могилы происходят прямоугольные бляшки с профильным изображением *льва*, обращенного вправо (102 экз.) (рис. 3, 4). Зверь лежит на подставке, украшенной косыми насечками, образующими треугольники. Тело передано в спокойной позе, с лежащими одна над другой лапами. Показанная в фас голова как будто лежит на передних лапах. Пышную гриву имитируют ряды коротких рельефных валиков. Размеры пластинок – 3,5 x 2,5 см. Вдоль краев пробито шесть отверстий для нашивания.

Трактовка морды и гривы льва напоминает окончания золотых браслетов (из Куриона – 450-400 гг. до н.э.; каменной гробницы некрополя Пантикапея – 400-380 гг. до н.э.; Тарента – 300 г. до н.э.), бус (из Павловского кургана и Большой Близнецы – 330-300 гг. до н.э.), цепочки (из Санта – Эуфемии – 330-300 гг. до н.э.), диадемы (из Херсонеса – 300-280 гг. до н.э.) [Уильямс, Огден, 1995]. По мнению Л.В. Копейкиной, эта композиция могла быть позаимствована с какого-то резного камня второй половины V – начала IV вв. до н.э. [Копейкина, 1986, с. 52]. Немногочисленные аналогии этому бердянскому экземпляру известны и в других погребениях, однако их отличает форма бляшки. Так, в кургане № 2 Дорт-Оба и кургане Куль-Оба бляшки вырезаны по контуру изображения, а в Шульговке и Мелитопольском кургане сделаны в форме

медальона. Кроме того, на приведенных выше бляшках фигура хищника развернута влево и как будто более сгруппирована. В связи с этим типом бляшек вспоминается также фриз, состоящий из пяти развернутых в разные стороны фигурок львов, украшавших золотой гребень из кургана Солоха. Все упомянутые выше изображения гораздо более близки между собой, чем бердянским экземплярам. Вполне очевидно, что в этой подборке бердянские экземпляры наиболее ранние. В пользу такого предположения свидетельствует и отсутствие окантовочной рамки на наших бляшках.

2. Если на бляшках рассмотренного выше типа фигура зверя выполнена в стиле греческого искусства, то следующий тип бляшек, вероятно, представляет скифскую изобразительную манеру. Профильное изображение фигуры *льва*, обращенного влево, на прямоугольных бляшках (14 экз.) из *Центральной могилы* более схематично (рис. 3, 5). В разинутой пасти льва виден язык, рельефно выделены грива и ухо (?)¹. Фигура буквально втиснута в рельефную рамку, украшенную псевдозернью. Размеры пластинок – 2,2-2,3 x 1,8-2,0 см. На оборотной стороне припаяно по четыре проволочных петельки. Бляшки оттиснуты двумя штампами, отличающимися в трактовке деталей – пасти, гривы, передних лап и хвоста. Этот тип бляшек оригинален, аналогии ему нам не известны.

3. Вырезанные по контуру бляшки в виде развернутой влево фигуры *льва* с раскрытой пастью (71 экз.) найдены в обеих могилах: 65 экз. в *Центральной могиле* и 6 экз. в *Восточной могиле* (рис. 3, 2). Непропорционально большая безгривая голова зверя с широко разинутой пастью с двумя акцентированными рядами зубов, круглым глазом и коротким ухом. Лапы поджаты, загнутый в петлю длинный хвост с утолщением-кисточкой на конце (на некоторых экземплярах) лежит на спине. Размеры пластинок – 1,4-1,5 x 0,9 см. На оборотной стороне припаяно по две проволочных петельки. Ближайшим соответствием им по композиции, трактовке деталей и размерам являются бляшки из кургана № 45 у с. Любимовка [Лесков, 1972, табл. 16], относящиеся к первой четверти IV в. до н.э. Близки бердянским, хотя и в меньшей степени, бляшки из Малого Чертомлыка [Мозолевский, 1987, рис. 6, 22-23] и погребения № 3 Казенной Могилы [Бидзиля и др., 1975, табл. 73, 1], датирующиеся соответственно второй половиной V в. до н.э. и первой половиной IV в. до н.э. Определенное сходство наблюдается и с бляшками из погребения № 3 кургана № 11 у с. Акимовка [Болтрик и др., 1985, инв.№17]. Очевидно, в данном случае речь идет о более позднем варианте – фигура животного представлена в той же позе, но она вписана в прямоугольник, при этом как будто особо выделены грива и гипертрафировано большое ухо. К тому же бляшки в этом случае ажурные – внутри

¹ На спине льва «лежит» треугольник – возможно, так торец изобразил ухо или крыло. Не исключено, что задействованный персонаж – львиноголовый грифон. Однако изображение недостаточно четкое (штамп здесь как будто смазан) поэтому этот тип аппликаций условно включен в подгруппу кошачьих хищников. Отнесению этих бляшек к подгруппе фантастических существ «мешает» и совершенно иная манера передачи уха и крыла на бляшках с изображением птицецклового грифона (№ 4 в подгруппе фантастических существ), очень близких стилистически и возможно сделанных одним мастером.

под животом сделана треугольная выемка. Вероятно, этот тип бердянских бляшек является самым ранним в своей подгруппе.

4. Определенным образом связаны с предыдущим типом четыре бляшки из *Центральной могилы* в виде профильного изображения кошачьего хищника влево, по ряду признаков определенного как *пантера* (рис. 3, 3). Форма пластинки близка к сегменту (или овалу), поэтому вписанная в нее фигура хищника сильно сгруппирована – голова с открытой лотосовидной пастью, крупным круглым глазом и маленьким круглым ухом низко опущена, почти поджата, загривок передан поперечными рельефными складками, лапы плотно прижаты к корпусу. Фигура зверя практически свернута в кольцо. Размеры пластинок – 1,4 x 1,0 см. На оборотной стороне припаяно по две проволочных петельки. Штамп достаточно четкий.

Близкие, хотя и несколько отличные, изображения отмечаются на бляшках из погребения 2 кургана № 3 у с. Богдановка и погребения 1 кургана № 8 у с. Волчанск [Битковский, Полин, 1987, рис. 8, 7; Кубышев, Полин, 1997, рис. 6, 12], датирующиеся соответственно концом и второй половиной V в. до н.э. В целом же, по манере передачи фигуры – округло подчеркнутые бедро и лопатка, ухо и глаз, едва открытая пасть – бердянские экземпляры перекликаются с ранними образцами скифского звериного стиля. Такими, например, как золотые пластинки из кургана № 1 Ульского аула начала VI в. до н.э., бронзовая уздечная бляха из кургана Г у с. Журовка V в. до н.э. [Scythian art, 1986, № 10-12, 65], золотые ножны из Острой Томаковской Могилы, представляющие две фигуры в геральдической позе, V в. до н.э. [Артамонов, 1966, табл. 65], уздечная бляха из станицы Елизаветинской IV в. до н.э. [Переводчикова, 1987, рис. 3, 9]. На последней фигура хищника свернута в кольцо, но голова его почти идентична бердянским изображениям. Создается впечатление, что бердянские бляшки занимают промежуточное положение между изображениями хищников, свернутых в кольцо, характерными для памятников VI–V вв. до н.э., и более «плоскими» или «растянутыми» изображениями, характерными для IV в. до н.э.

Мотив хищника кошачьей породы – один из самых распространенных в искусстве скифов Северного Причерноморья и появляется здесь во второй половине VII – на рубеже VII-VI вв. до н.э. [Ильинская, 1971, с. 67]. Изображения свернувшегося в кольцо кошачьего хищника датируются VII-VI вв. до н.э. и более ранним временем, к IV в. до н.э. эта схема выходит из употребления [Чежина, 1984, № 25, с. 81]. Очевидно, за исключением бляшек последнего типа (рис. 3, 3), тяготеющих к изобразительным традициям VI-V вв. до н.э., остальные экземпляры датируются концом V – началом IV вв. до н.э.

Подгруппа фантастических существ представлена изображениями грифонов и сфинкса. Изображениями *грифонов* украшены четыре типа бляшек. Все они найдены в Центральной могиле кургана.

1. Бляшки с *протомой птицеклювого грифона*, обращенной вправо (75 экз. и 1 обломок), найдены только в *Центральной могиле* (рис. 4, 1). В прямоугольник вписано профильное изображение головы с округлым глазом, острым приоткрытым клю-

вом и петушиной бородкой под ним, увенчанной острым загнутым вперед ухом и зубчатым гребнем. За головой расплаханное пышное крыло с двумя рядами загнутых вверх перьев. Размеры пластинок – 2,2 x 2,0 см. В углах пробиты отверстия для нашивания. Бляшки оригинальны.

Аналогов им в других скифских памятниках пока не известно. Общая схема изображения не характерна для аппликативных украшений скифской одежды. Как отдаленную аналогию следует привлечь единственный экземпляр бляшки из боковой гробницы Толстой Могилы с профильным изображением фигуры грифона, обращенного вправо [Мозолевский, 1979, рис. 113, 1]. Несмотря на то, что в последнем случае фигура грифона передана целиком и немного отличается в деталях, отсутствие бортика по краям бляшки и закомпанованность всей поверхности изображением придает этим находкам определенное сходство. Сюжет обособленной головы грифона с рудиментарным рогом – гребнем – наиболее ранний среди изображений грифонов в степной Скифии. Эта схема используется в искусстве Степи и Лесостепи с начала V – до начала IV вв. до н.э. [Кантарович, 1994, с. 14].

2-3. Крупные почти квадратной формы бляшки с профильным изображением фигуры сидящего *орлиноголового грифона* (рис. 4, 3). В *Центральной могиле* сохранилось 88 бляшек с таким изображением. Увенчанную острым ухом и зубчатым гребнем голову, повернутую назад, охватывает поднятое вверх мощное крыло с загнутыми вперед перьями. Клюв существа открыт, на морщинистой голове выделен округлый глаз, мощная шея передана поперечными рубчатыми складками. Грифон как будто присел на лапы, при этом правая передняя лапа поднята. Бляшки украшены узким бортиком псевдозерни по краю, вдоль которого пробито восемь дырочек для нашивания. На одной бляшке фигура фантастического существа развернута вправо, размеры ее – 4,3 x 4,1 см. На остальных (87 экз.) – влево, размеры этих бляшек – 4,3 x 3,8 см. Штамп оригинальный. При этом изображения грифонов в подобной позе известны в произведениях скифской торевтики. Среди них можно упомянуть: обкладки деревянной чаши из кургана № 12 Стеблевского могильника второй половины V в. до н.э. [Скорый, 1997, рис. 44]; штампованные бляшки из кургана у с. Дарьевка IV в. до н.э. и погребения № 3 Казенной Могилы первой половины IV в. до н.э. [Онайко, 1970, табл. 42, 813; Бидзиля и др., 1975, табл. 73, 3]; калаф из кургана Большая Близница, оковку горита из кургана Дорт–Оба IV в. до н.э. [Артамонов, 1966, №№ 284, 193] и др. Однако иконография всех перечисленных выше изображений совершенно различная.

4. На небольших прямоугольных бляшках представлено профильное изображение *бородатого птицеклювого грифона*, развернутого влево (рис. 4, 2). Бляшки происходят из *Центральной могилы* (15 экз.). У спокойно сидящего существа четко выделены глаз, клюв, гребень и бородка под ним, ухо и расплаханное крыло с двойным рядом перьев. Поднятый короткий хвост увенчан кисточкой. Изображение ограничено рельефным бортиком псевдозерни по краю. По углам на оборотной стороне напаяны провололочные петельки для нашивания. Размеры пластинок – 2,5 x 2,1 см.

В данном случае использовались не менее двух штампов, без дальнейшей доработки деталей. Аналогов этому типу бляшек не известно.

5. Наиболее яркой в серии является единственная прямоугольная бляшка из *Восточной могилы* с профильным изображением *рогатого львиноголового грифона* персидского (ахеменидского) типа (рис. 4, 4). Идущая влево фигура передана в профиль с поднятой правой передней лапой и расправленным мощным крылом. Голова с изогнутыми кручеными рогами и длинным ухом повернута в фас. На ней выделены два выпуклых круглых глаза и разинутая пасть. Бляшка ограничена узким рельефным бортиком с псевдозернью. Размеры пластинок – 3,0 x 2,7 см. Штамп достаточно четкий.

Подобные образы эксплуатируются в скифском искусстве не часто. Классическим примером изображения подобных существ служит золотой браслет из Амударьинского клада [Переводчикова, 1994, с. 52]. Похожие существа изображены на золотых ножнах меча и бляшках из Толстой Могилы [Мозолевский, 1979, рис. 56; 113, 8]. В аналогичной позе предстает и рогатый грифон на пантикапейском золотом статере 400 - 300 гг. до н.э. [Уильямс, Огден, 1995, рис. 44]. Однако сходство во всех случаях ограничивается лишь сюжетом. Относительно бердянского экземпляра следует отметить, что ряд деталей и рельефный тонкий бортик из мелких «жемчужин» (или псевдозерен) позволяет усматривать в нем работу греческих мастеров IV в. до н.э.

6. Прямоугольная бляшка с изображением *сфинкса* представлена также единственным экземпляром из *Восточной могилы* (рис. 4, 5). Фигура существа с телом льва, как будто присевшего на задние лапы, передана в профиль, влево. Голова, обрамленная короткими прямыми прядями волос, развернута как будто в три четверти, ближе к левому крылу. Рельефно показаны черты лица, слегка намечены грудь и ребра, короткий хвост с кисточкой загнут в петлю. Распахнутые крылья образуют полукруг. Фигура свободно размещена на пластинке, ограниченной рельефным бортиком с псевдозернью. Размеры бляшки – 2,9 x 2,6 см.

Этот персонаж был не менее популярен, чем грифон и часто привлекался древними торецтами для декора. Фигурки сфинксов украшали различные ювелирные изделия: браслеты (Куль-Оба), серьги и подвески (Огуз, Трехбратний курган №1, некрополь Феодосии, Чертомлык, Деев курган и др.), золотые ленты головных уборов (Чертомлык и Елизаветовский курган), штампованные бляшки (второй и шестой Семибратние курганы, курганы №№ 17 и 24 Нимфея, Куль-Оба, Толстая Могила, Тамань, курган № 2 Дорт-Обы и др.) и металлические кубки (Солоха). Все перечисленные изображения делятся на две группы – объемные и плоские. Объемные (серьги, подвески, браслеты) предусматривают два ракурса – профиль и фас. Плоские в двух вариантах – фронтальные на подвесках из Куриона (Музей Метрополитен) и Мариона (Британский музей), остальные – профильные. Исключение составляют упомянутые выше золотые ленты из Чертомлыка, где у стоячих в профиль сфинксов головы переданы в фас [Алексеев и др., 1991, кат. 128]. На всех известных нам штампованных бляшках сфинксы представлены в профиль. На бердянском же экземпляре

голова присевшего на задние лапы существа развернута в три четверти и как будто отведена к развернутому левому крылу. Наиболее близким к бердянскому по манере исполнения является изображение из кургана № 6 группы Семь Братьев [Артамонов, 1966, рис. 67]. Близка моделировка тела, особенно задней его части и лап. В то же время иной ракурс, отсутствие второго крыла и контурной рамки делает сходство более чем относительным. Очевидно, правомерно предположить, что бляшки двух последних типов (рис. 4, 4-5) изготовлены если и не одним мастером, то, во всяком случае, в одной мастерской.

3 группа аппликаций – с антропоморфными сюжетами. Эта группа представлена аппликациями четырех типов.

1. Бляшки в виде контурного изображения *женской головы в фас* (рис. 5, 1) найдены в обеих могилах: 10 экз. в *Центральной могиле* и 2 экз. в *Восточной*. Овальное лицо с большими миндалевидными глазами, крупным носом и пухлыми губами обрамляют длинные прямые пряди волос, спускающиеся до плеч. У висков волосы украшены (или перехвачены) кольцами. Короткую шею украшает ожерелье с пятью треугольными подвесками. Выполненные в невысоком рельефе, бляшки грубо обрезаны по контуру. Вдоль края пробито по четыре отверстия для нашивания. Размеры бляшек – 2,2 x 2,7 см. Сюжетные соответствия им известны, хотя иконография и манера их исполнения совершенно отличны. Среди них можно назвать, прежде всего, находки из Посульских курганов IV в. до н.э. – № 1 у с. Волковцы и № 2 у с. Будки, раскопанных в 1897 г. С.А. Мазараки [Древности Поднепровья, 1899, рис. 6-8]. На бляшках из Будковского кургана изображено округлое лицо, окаймленное короткой прической из отдельных крупных поперечных локонов. Шею украшает ожерелье из больших округлых бусин. Волковецкие бляшки представлены двумя вариантами. На бляшках первого варианта женское лицо с довольно мелкими чертами обрамлено пышной прической из длинных прядей, образующих около уха локоны; шею подчеркивает ожерелье с длинными подвесками. Бляшки второго варианта отличаются главным образом передачей прически – волосы, разделенные в верхней части на продольные пряди, у уха переходят в двойные косы; шею украшает ожерелье с каплевидными подвесками. В.А. Ильинская предполагала, что, несмотря на различия в трактовке образа, они сделаны рукой одного мастера, а прототипами их, очевидно, послужили произведения торевтики (бляшки и медальоны) греческой работы с изображениями богини Деметры. Однако вследствие самостоятельной переработки античного сюжета был создан новый образ [Ильинская, 1968, с. 143]. Следует отметить, что все три варианта, в отличие от бердянских, исполнены в невысоком рельефе.

Кроме того, в качестве аналогий можно привести две бляшки из Южной могилы, Гаймановой Могилы [Бидзиля, 1971, инв. № 1969-70/37]. Они выполнены в высоком рельефе в виде обрезанной по контуру женской головки с «греческой внешностью» в обрамлении вьющихся локонов, шея практически не выделена, возможно, из-за отсутствия ожерелья. Штамп отличается четкостью. Бляшки,

очень схожие с гайманскими экземплярами, происходят из кургана № 2 у с. Большая Белозерка. Их отличают меньшие размеры и менее четкий штамп. Кроме сюжета, сходство упомянутым выше бляшкам придает и то, что они обрезаны по контуру изображения. В целом же все приведенные в качестве аналогий штампы оригинальны.

2. С предыдущим типом определенным образом связан и тип бляшек подпрямоугольной формы с профильным изображением *женской головы, обращенной влево* (рис. 5, 2). В *Центральной могиле* найдено 12 экз. этого типа. Изображение отличают восточные черты лица – подчеркнута большой округлый глаз, крупный прямой нос, забранные за ухо прямые пряди волос, спускающиеся вдоль лица. Шею украшает ожерелье из крупных округло-ромбовидных бусин. Представлены двумя вариантами оформления левой стороны: у части бляшек лицо вырезано по контуру, у других – перед лицом ровная «закраина». Размеры бляшек – 1,8-2,1 x 2,2-2,4 см. Вдоль края большинства бляшек пробито по четыре отверстия для нашивания, на некоторых пробиты дополнительные дырочки. Аналогии этим бляшкам в других памятниках скифской культуры не известны.

В скифском искусстве антропоморфные образы появляются в V в. до н.э., а наибольшее их распространение приходится на вторую половину IV в. до н.э. [Граков, 1950, с. 12; Бессонова, 1983, с. 81]. В человеческом облике появляются прежде всего боги, а также герои древнего эпоса. Особое место в скифском пантеоне принадлежало Владычице зверей. К числу наиболее ранних в этом ряду относится композиция на зеркале из Келермесского кургана № 1 конца VII – начала VI вв. до н.э. [Галанина, 1997]. Здесь, в отличие от более поздних изображений, Богиня представлена простоволосой (без головного убора) – гладкие ровные пряди волос, забранные за ухо, спускаются к плечу. Не исключено, что и на рассмотренных выше бердянских бляшках представлен тот же образ.

Два следующих типа бляшек представляют сцены из скифского героического эпоса.

3. Прямоугольные бляшки *со сценой братания двух скифов* (37 экз.) сохранились только в *Центральной могиле* (рис. 5, 4). На бляшках изображены два мужских персонажа в характерных для скифов костюмах – кафтанах с клиновидными полами и узких штанах. Фигуры их переданы в фас, а головы в профиль – лица обращены друг к другу. В правой руке левой фигуры – ритон. Благодаря использованию двух штампов, отмечается два варианта этих бляшек. Главное отличие составляют позы скифов. На бляшках первого варианта (21 экз.) оба скифа сидят обнявшись, с согнутыми в коленях ногами и сведенными ступнями, один из них держит кубок. На бляшках второго варианта (16 экз.) – левая фигура стоит на коленях, а правая – на левом колене; оба держат кубок, при этом правый персонаж как будто пьет из него. Различаются также трактовка причесок и позиция рук. Кроме того, бляшки первого варианта оттиснуты более четким штампом с последующей проработкой мелких деталей, тогда как изображения на бляшках второго варианта как будто смазаны (очевидно, штамп был сработанный) и сделаны двумя разными штампами. Размеры бля-

шек – 2,7-3,0 x 2,6-2,9 см. Края украшены узким бортиком с псевдозернью, по углам бляшек пробито по одному крепежному отверстию.

Этот сюжет уже встречался ранее на предметах торевтики. К числу наиболее популярных относится золотая диадема из Сахновки [АЛЮР, 1901, с. 213]. Среди персонажей многофигурной композиции, украшавшей этот предмет, присутствует пара скифов, стоящих на коленях с ритонном в руках. Подобная сцена воспроизведена на пластинке из Куль–Обы, ее отличают оригинальность техники исполнения и тщательность проработки всех деталей [Артамонов, 1966, табл. 203]. Однако, в обоих случаях речь идет лишь о сюжетном сходстве.

Практически идентичны бердянским экземплярам второго варианта бляшки из кургана Солоха. Совпадают и их размеры – соответственно 2,7-3,0 x 2,6-2,9 и 2,7 x 2,7; 2,9-3,2 x 2,9-3,3 см. Не исключено, что они изготовлены по одной матрице или одним штампом. Здесь, думается, уместно вспомнить и бляшки, украшавшие головной убор из погребения № 3 Казенной Могилы с изображением сидящего Геракла (?) вправо [Бидзиля и др., 1975, табл. 72, 2]. Несмотря на очевидную разницу сюжетов, здесь прослеживается определенное сходство в трактовке образов.

Существует две точки зрения относительно интерпретации сюжета, представленного на этом типе бердянских бляшек. Д.С. Раевский усматривает в нем образительное воплощение одного из эпизодов легенды о передаче власти Колаксаю [Herod, IV, 7] – момент заговора оскорбленных старших братьев против Колаксяя [Раевский, 1977, с. 177]. Однако большинство исследователей (к которым принадлежу и я) склоняется к пониманию этого эпизода как иллюстрации обряда побратимства, подробно описанному Геродотом в своих «Историях» [IV, 70].

4. Еще один из героизированных и высоко почитаемых скифами образов – *Геракл – Таргумай*. По всей вероятности, именно с ним можно связывать подпрямоугольные бляшки следующего типа (рис. 5, 3), найденные в *Центральной могиле* (134 экз.). На них изображена схватка героя со львом (Геракла с Немейской львом). Две фигуры практически переплетены – обращенного влево льва, присевшего на лапы, Геракл обхватил за голову правой рукой (видна только верхняя часть его фигуры). Композиция заполняет всю поверхность пластинки. Размеры бляшек – 2,7x 2,2 см. На оборотной стороне в углах напаяны проволочные петельки.

Бляшки с полным соответствием такого штампа не известны. В то же время такой сюжет хорошо знаком, в том числе и по изображениям на золотых штампованных бляшках. Среди сюжетных аналогий следует упомянуть бляшки круглой формы из Куль–Обы, Чертомлыка, Шульговки, Чмыревой Могилы, кургана у пгт. Верхний Рогачик. Эти экземпляры, как отмечали Н.А. Онайко и Л.В. Копейкина, точно воспроизводят чеканенные в Кизике или Сиракузах монеты конца V в. до н.э., а также изображения на резном камне [Онайко, 1970, с. 46; Копейкина, 1986, с. 55]. Вероятно, реплика того же греческого мифа воспроизведена на квадратных бляшках из Чертомлыка и височных подвесках из Новоселковского кургана № 4. Но в последних двух случаях вместо льва изображены грифоны. Думается, в хронологическом

ряду украшений с этим сюжетом бердянские экземпляры занимают одну из первых позиций.

Как видно по серии приведенных аналогий, хронологические рамки набора золотых аппликативных украшений Бердянского кургана довольно широкие – они определяются VI–IV вв. до н.э. К числу наиболее ранних из них, безусловно, принадлежат бляшки с изображениями протомы грифона (рис. 4, 1), фигурок пантеры (рис. 3, 3) и льва (рис. 3, 2), лося (рис. 3, 1), треугольников из строенных полусфер (рис. 1, 7), братания скифов (рис. 5, 4).

Относительно техники исполнения и моделировки можно отметить, что и здесь бердянская серия золотых аппликаций не однородна. Часть изображений отличается особой тщательностью моделирования и проработки деталей, в то же время есть и такие, которые, напротив, выполнены довольно небрежно и схематично. Здесь напрашивается как будто уже устоявшееся мнение о том, что более высокохудожественные экземпляры выполнены в греческих традициях и, соответственно, греческими торевтами, а более стилизованные и небрежно сделанные относятся к работам скифских мастеров. Однако провести четкую границу между двумя «школами» в нашем случае не удастся. В связи с этим следует отметить явное сходство в моделировке фигур и оформлении края (рельефного бортика) у бляшек, относящихся к разным типам, что может свидетельствовать об изготовлении их одним мастером. Просматривается, как минимум, две небольшие «авторские» серии. Так, к одной «серии» можно отнести бляшки с изображениями лося, льва и грифона (рис. 3, 1,5; 4, 2;), ко второй – с изображениями козерогого грифона и сфинкса (рис. 4, 4-5) и, возможно, больше с изображением грифона (рис. 4, 3) и сценой братания (рис. 5, 4).

Не удастся разделить бляшки на «греческие» и «скифские» и на основании качества металла, поскольку основная масса их сделана из золота примерно одинаковой пробы (375°, 500°, 583°). При этом золото более высокой пробы (750°) использовано только для штамповки одного из вариантов треугольников с псевдозернью из *Восточной могилы*. В то же время однотипные пластинки штамповались из золота разной пробы.

В двух могилах Бердянского кургана совпадают, как уже отмечалось, пять типов аппликаций. Возможно, если бы *Восточная могила* не была так сокрушительно ограблена, картина могла быть иной. Однако и современное состояние источника свидетельствует в пользу одновременности всех захоронений.

Один из важных вопросов, связанных с анализом тех или иных украшений в курганах, – *установление их взаимосвязи с определенными элементами костюма*. В двух могилах Бердянского кургана ситуация неоднозначна. В *Восточной могиле* все сохранившиеся бляшки обнаружены во взвешенном состоянии в заполнении входной ямы, иными словами, утерянными и рассыпанными грабителями. Поэтому говорить о каких-либо реконструкциях костюма в данном случае не приходится. В *Центральной могиле* картина иная. Небольшая часть бляшек (145 экз.) здесь обнаружена в грабительском ходе, но основная часть (2083 экз.) – на дне камеры, при-

чем на относительно компактном участке размерами 1,5 x 1,0 м. Вполне вероятно, что в этой части камеры погребального сооружения был устроен «склад» имущества. Подобная ситуация известна и в других памятниках (к примеру, в Восьмом Елизаветовском кургане).

Расположение бляшек на этом участке позволило усматривать в них декор головных уборов и верхней плечевой одежды. Бляшки лежали на полу камеры в один слой, следовательно, они крепились только на фронтальную (парадную) часть шапок [Чередниченко, 1978, с. 20-25]. Л.С. Ключко предложила вариант реконструкции двух головных уборов конической формы высотой приблизительно 20 см каждый. **Первый головной убор** был декорирован аппликациями четырех типов: женскими головками в фас и профиль, профильными фигурками льва и мелкими треугольниками с псевдозернью. Нижнюю кромку украшали два ряда треугольников, обращенных вершинами друг к другу. Благодаря такой комбинации получилась золотая лента на манер метопиды. Выше располагался ряд львов и далее вверх шли ярусы женских личин, разграниченные рядами треугольников. Количество антропоморфных бляшек уменьшалось в каждом следующем ярусе, что диктовалось конусовидной формой шапки. Шапку дополняло покрывало, расшитое по краю прямоугольными бляшками со сценами братания (рис. 6). **Второй головной убор** украшали бляшки двух типов: мелкие треугольники с псевдозернью и мелкие бляшки с кошачьим хищником, расположенные рядами. Край украшали два ряда треугольников, обращенных друг к другу вершинами (вновь имитация метопиды). Далее ряды зооморфных и треугольных бляшек чередовались. В этом случае декор шапки дополняли подвески – длинные плетеные цепочки с крупными полыми подвесками на концах, крепившимися по бокам (над висками) (рис. 7) [Ключко, 1992, с. 48; 1986; 2005].

Кроме того, среди «россыпи» бляшек усматривался контур сложной пополам **верхней плечевой одежды** – куртки с рукавами. Силуэт ее намечали крестовидные и треугольные бляшки двух типов. Расположение аппликаций позволило предположить туникоподобный крой распашной одежды с ровными полами и длинными рукавами [Ключко, 1984, с. 62]. Рукава от плеча до нижнего края украшала продольная «лента» из треугольных и крестовидных бляшек. Овальный вырез, борта и подол оконтуривали ряды крестовидных бляшек (рис. 8). Размеры этой детали костюма (длина от ворота до края подола – 65 см) позволяют усматривать в ней короткий кафтан. В целом, небольшой размер кафтана, а также характер оформления головных уборов (покрывало в одном случае и подвески в другом) указывают на их женскую принадлежность (рис. 9).

Набор сюжетов аппликаций различных деталей бердянских костюмов связан с кругом символов растительного плодородия и заупокойного культа и отображает культи и верования кочевников Северного Причерноморья [Ключко, 1992а; 2000, с. 25 и др.]. Не стану останавливаться здесь на символике (сакральной и социальной) головных уборов, поскольку этому вопросу уделено уже достаточно внимания [Раевский, 1977, с. 100; Бессонова, 1983, с. 108, 110; Захарова, Ходжаева, 1964, с. 110;

Маслова, 1984, с. 173; Гаген-Торн, 1960, с. 180; Клочко, 1992, с. 52-54; 2012]. Замечу лишь, что уборы с золотым декором характерны для представителей скифской аристократии разных рангов.

Если рассматривать бердянский костюм с точки зрения поиска сюжетных аналогий его декору, то стоит вспомнить, что полных повторов (или подражаний), по крайней мере в декоре головных уборов скифов, нет. И все же бердянская одежда может быть сопоставима с находками из ряда курганов представителей скифской элиты – Чертомлыка, Толстой и Казенной Могил.

В целом же бердянский набор аппликаций отличается от комплектов нашивных украшений из других скифских погребальных комплексов. Во-первых, в нем совершенно отсутствуют бляшки, украшенные сценами терзания, растительными мотивами и розетками. Нет в нем и ажурных аппликаций, характерных для памятников середины – второй половины IV в. до н.э. Во-вторых, в набор входят вырезанные по контуру фигурки кошачьих хищников и бляшки без рельефных бортиков (или так называемой окантовочной рамки) вдоль края, характерные для аппликаций V в. до н.э. Задействованные сюжеты – протомы грифона, лось, треугольники из строенных полусфер, а также целиком заполненные изображениями бляшки – особенно характерны для памятников раннего времени – VI-V – начала IV вв. до н.э. В-третьих, многие типы бляшек не имеют ни явных прототипов, ни подражаний.

Ближайшим к бердянской серии золотых аппликаций костюма по набору и характеру сюжетов и образов (шесть близких типов) является комплект металлических украшений из царского кургана Солоха – хронологического соседа Бердянского кургана.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р.* Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н.э.). - Киев, 1991. АЛЮР. - 1901.
- Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. – Прага - Ленинград, 1966.
- Бессонова С.С.* Религиозные представления скифов. - Киев, 1983.
- Бессонова С.С.* Курганы Лесостепного Побужья // Древности Скифов. - Киев, 1994.
- Бидзия В.И.* Отчет о работе Северо-Рогачикской экспедиции ИА АН УССР за 1969-1970 гг. - Ч.1. - «Гайманова Могила». - НА ИА НАНУ, инв. № 1969-70/37. - Киев, 1971.
- Бидзия В.И., Ляшко С.Н., Никитенко М.М., Отрощенко В.В., Савовский И.П., Томашевский В.А.* Отчет о работах Запорожской экспедиции за 1974 г. - НА ИА НАНУ. - Инв. №1974/10. - Киев, 1975.
- Битковский О.В., Полин С.В.* Скифский курган у с. Богдановка на Херсонщине (к проблеме хронологии памятников V-IV вв. до н.э.) // Скифы Северного Причерноморья. - Киев, 1987.
- Болтрик Ю.В., Гаврилюк Н.А., Фяалко Е.Е., Буйских С.Б.* Отчет о работе Приазовской новостроечной экспедиции в 1984 г. - НА ИА НАНУ, инв. № 1984/17. - К., 1985.
- Болтрик Ю.В., Фяалко Е.Е., Чередниченко Н.Н.* Бердянский курган // РА. - № 3. - 1994.
- Гаген-Торн Н.И.* Женская одежда народов Поволжья: материалы к этногенезу. - Саратов, 1960.
- Галанина Л.К.* Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. - Степные народы Евразии. - Т. 1. - М, 1997.
- Граков Б.Н.* Скифский Геракл // КСИИМК. - Вып. 34. - 1950.
- Древности Поднепровья.* - Киев, 1899.

Древности Поднепровья. - Киев, 1900.

Евдокимов Г.Л., Фридман М.И. Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине // Скифы Северного Причерноморья. - Киев, 1987.

Замятнин С.Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем // СА. - № VIII. - 1946.

Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Казахская национальная одежда. – Алма-Ата, 1964.

Ілліньська В.А. Золоті прикраси скіфського архаїчного убору // Археологія. - № 4. - 1971.

Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. - Киев, 1968.

Ильинская В.А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. - № 2. - 1971.

Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII-VI вв. до н.э.). - Киев, 1975.

Кантарович А.Р. Звериный стиль степной Скифии VII -III вв. до н.э. Автореф. дис.... канд. истор. наук. - М., 1994.

Клочко Л.С. Верхній плечовий одяг скіфів // Археологія. - № 47. – 1984.

Клочко Л.С. Реконструкція конусоподібних головних уборів скифя'нок // Археологія. - № 56. – 1986.

Клочко Л.С. Скіфський жіночий костюм. – Дисертація на здобуття вченого ступеню кандидата історичних наук. НА ІА НАНУ, інв. № 726. - Київ, 1992.

Клочко Л.С. Плечовий одяг скифя'нок // Археологія. - № 3. – 1992а.

Клочко Л.С. Зооморфні образи в декорі скіфських головних уборів V- IV ст. до н.е. // Музейні читання. – Київ, 2000.

Клочко Л.С. Антропоморфні образи в оздобах скіфських головних уборів // Музейні читання. – Київ, 2005.

Клочко Л.С. Кореляція сюжетів у декорі вбрання скифя'нок // Музейні читання. – Київ, 2012.

Ковпаненко Г.Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. – Киев, 1981.

Ковпаненко Г.Т. «Червона Могила» у с. Флярковка // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – Москва, 1984.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья. - Киев, 1989.

Копейкина Л.В. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба // Античная торевтика. - Ленинград, 1986.

Кубышев А.И., Полин С.В. Скифские курганы Утлюкского междуречья (в Северо-Западном Приазовье). - Киев, 1997.

Кулатова І.М., Супруненко О.Б. Курган скіфського часу в урочищі Марченки поблизу Більська // АЛЛУ. № 2 (10). – 2001.

Кулатова І.М., Супруненко О.Б. Охоронні дослідження на Перещепинському курганному некрополі у Більську 2001 року // АБУ 2000-2001 рр. – Київ, 2002.

Лесков А.М. Новые сокровища курганов Украины. - Ленинград, 1972.

Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. - Вып. Д1-31. - 1965.

Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. - Ленинград, 1987.

Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX вв. – М., 1984.

Мозолевський Б.М. Товста Могила. - Киев, 1979.

Мозолевський Б.Н. Малий Чертомлык // Скифы Северного Причерноморья. - Киев, 1987.

Онайко Н.А. Античний импорт в Придніпров'є і Побужж'є в IV-III вв. до н.е. // САИ. - Вып. Д1-27. - 1970.

Переводчикова Е.В. Локальные черты скифского звериного стиля Прикубанья // СА. - № 4. - 1987.

Переводчикова Е.В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. - М., 1994.

Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V-III вв. до н.э. // САИ. - Вып. Д1 4. - 1967.

Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). – Москва, 2001.

Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. - М., 1977.

- Савченко Е.И. Могильник скифского времени «Терновое 1 – Колбино 1» на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993-2000. – М., 2001.
- Скорый С.А. Стеблев: скифский могильник в Поросье. - Киев, 1997.
- Скорый С.А., Солтыс О.Б., Белан Ю.А. Большой курган эпохи скифской архаики на Киевщине // РА. № 4. – 2001.
- Смирнова Г.И. Курганный могильник раннескифского времени у с. Долиняны // АСГЭ. - № 18. – 1977.
- Тереножкін О.І. Курган біля с. Глеваха // Археологія. – Т. 9. - 1954.
- Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V- IV в. до н.э. - СПб, 1995.
- Фіалко Е.Е. Об одном типе золотых украшений скифского времени (к вопросу об эволюции и происхождении) // Археологічний літопис Лівобережної України. - № 1. – 2006.
- Чежина Е.Ф. Изображение свернувшегося в кольцо хищника в искусстве Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху // АСГЭ. - № 25. - 1984.
- Чередниченко Н.Н. Отчет о раскопках Бердянского кургана в 1977-78 гг. – НА ИА НАНУ, инв. № 1978/9а. – Киев, 1978.
- Черненко Е.В., Ролле Р.А., Скорый С.А., Махортых С.В., Герц В.Ю., Белозор В.П. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции у с. Бельск Котелевского района Полтавской области в 2003 г. – Киев, 2004.
- Шкурко А.И. О локальных различиях в искусстве Лесостепной Скифии // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. - М., 1976.
- Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). – Киев, 1987.
- Bydiowski A. Mogily w Nowosiolce. - Warszawa, 1904.
- Scythian art. The legacy of the scythian world: mid 7-th to 3-rd century B.C. - Leningrad, 1986.

О.Є. Фіалко

ЗОЛОТИЙ ДЕКОР ВБРАННЯ З БЕРДЯНСЬКОГО КУРГАНУ

Резюме

У статті піддано аналізу набір золотих аплікацій з Бердянського кургану – усипальниці одного зі скіфських правителів Приазов'я. У двох могилах кургану знайдено 2291 золоту платівку. Набір складається з трьох груп прикрас: 1. з «геометричними» мотивами; 2. з зоморфними зображеннями; 3. з антропоморфними сюжетами. Кожна група включає кілька типів платівок (від 4 до 11 в кожному).

Цей набір відрізняється від гарнітурів платівок решти курганів скіфської еліти. З одного боку, в бердянській колекції присутні платівки, сюжети та стилістика, які є характерними для прикрас з поховальних пам'яток VI-V – початку IV ст. до н.е. З іншого боку, серед сюжетів тут зовсім відсутні сцени шмагування, рослинні мотиви та ажурні аплікації, що є характерними для пам'яток середини – другої половини IV ст. до н.е. І на решті, ряд типів бердянських платівок не мають ані явних прототипів, ані наслідувань. За характером сюжетів та образів найбільш близьким до бердянського можна вважати набір золотих аплікацій з кургану Солоха.

Із урахуванням хронології поховальних споруд та супроводжуючого інвентарю зі всіх могил Бердянського кургану, а також кола наведених аналогій, час формування комплекта золотих аплікацій визначається концом V – початком IV ст. до н.е.

Е.Е. Фиалко

ЗОЛОТОЙ ДЕКОР КОСТЮМОВ ИЗ БЕРДЯНСКОГО КУРГАНА

Резюме

В статье анализируется набор золотых аппликаций из Бердянского кургана – усыпальницы одного из скифских правителей Приазовья. В двух могилах кургана найдено 2291 золотая бляшка. Набор состоит из трех групп украшений: с «геометрическими» мотивами, с зооморфными изображениями, с антропоморфными сюжетами. Каждая группа включает несколько типов бляшек (от 4 до 11 в каждой).

Этот набор отличается от гарнитуров бляшек из других курганов скифской знати. С одной стороны, в бердянской коллекции присутствуют бляшки, сюжеты и стилистика, которые характерны для украшений из погребальных памятников VI-V – начала IV вв. до н.э. С другой стороны, среди сюжетов здесь совершенно отсутствуют сцены терзания, растительные мотивы и ажурные аппликации, характерные для памятников середины – второй половины IV в. до н.э. И наконец, ряд типов бердянских пластин не имеет ни явных прототипов, ни подражаний. По характеру сюжетов и образов наиболее близким бердянскому можно считать набор золотых аппликаций из кургана Солоха.

С учетом хронологии погребальных сооружений и сопровождающего инвентаря из всех могил Бердянского кургана, и круга приведенных аналогий, дата формирования комплекта золотых аппликаций определяется концом V – началом IV вв. до н.э.

E.E. Fialko

GOLD DECORATIONS OF THE COSTUMES FROM BERDYANSK KURGAN

Summary

The article analyzes the set of gold applications of Berdyansk kurgan - the tomb of Scythian nomarch of Azov Sea area. There were 2291 gold plates found in two tombs of kurgan. The set of plates consists of three groups of decorations: with "geometric" motives, zoomorphic images and anthropomorphic subjects. Each group includes several types of plates (from 4 to 11 in each group).

This series differs from other sets of gold plates from tombs of Scythian aristocracy. On the one hand, the plots and stylistics of Berdyansk collection plates are typical for the objects from burial sites of 6th - 5th – beginning of the 4th centuries BC. On the other hand, we can't find among the plots here any excruciating scenes, floral motifs or openwork applications, which were characteristic for the sites of the middle - second half of the 4th century BC. Furthermore, the range of types of Berdyansk plates has no explicit prototypes or imitations. However, the set of gold applications from Solokha kurgan could be considered as closest to Berdyansk one.

Taking into account the chronology of burial structures and the accompanying equipment from all tombs of Berdyansk kurgan as well as circle of given analogies, the date of creation of sets of gold applications is determined by the end of 5th – beginning of 4th centuries BC.

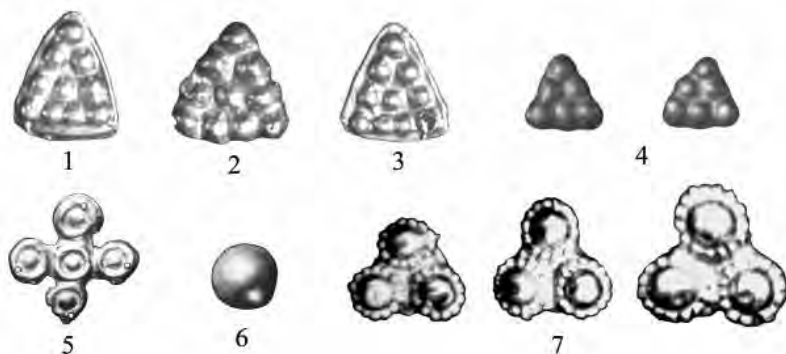

Рис. 1. Золотые аппликации с геометрическими мотивами.

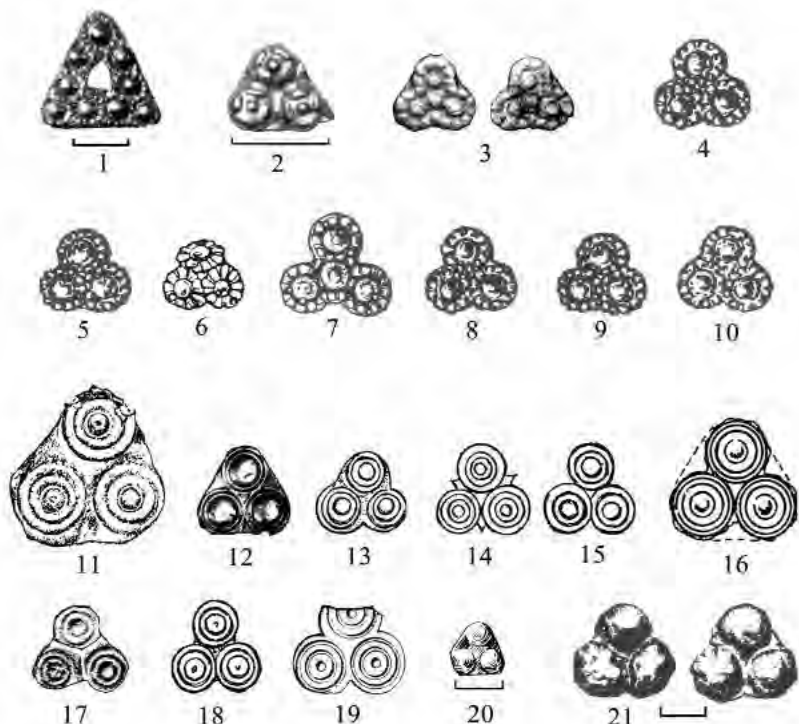

Рис. 2. Золотые треугольные бляшки из строенных полусфер с различными вариантами оформления: 1 – курган № 460 у с. Турия; 2 – курган № 1 (1995 г.) в урочище Марченки; 3 – курган № 2 (2001 г.) в урочище Марченки; 4 – курган № 11/16 у с. Мастогино; 5 – курган № 3 в урочище Частье курганы; 6 – курган № 11 в урочище Частье курганы; 7 – курган № 4 у с. Дуровка; 8 – курган № 5 у с. Терновое; 9 – курган № 1 у с. Колбино; 10 – курган № 5 у с. Колбино; 11 – курган № 1 в уроч. Марченки; 12 – курган № 100 у с. Синявка; 13 – курган № 13 у с. Поповка; 14 – курган на землях Владимирской экономии; 15 – курган № 407 у с. Журовка; 16 – курган № 35 у с. Бобрица; 17 – курган № 13 (?) у с. Прусы; 18 – курган № 2 у с. Осняги; 19 – могила № 505 Гальштатского могильника; 20 – курган № 2 у с. Долиняны; 21 – курган «Червона Могила» у с. Флярковка.

Рис. 3. Золотые аппликации с зооморфными изображениями:
1 – с изображением лося; 2-5 – с изображением кошачьих хищников.

Рис. 4. Золотые аппликации с зооморфными изображениями. Подгруппа фантастических существ.

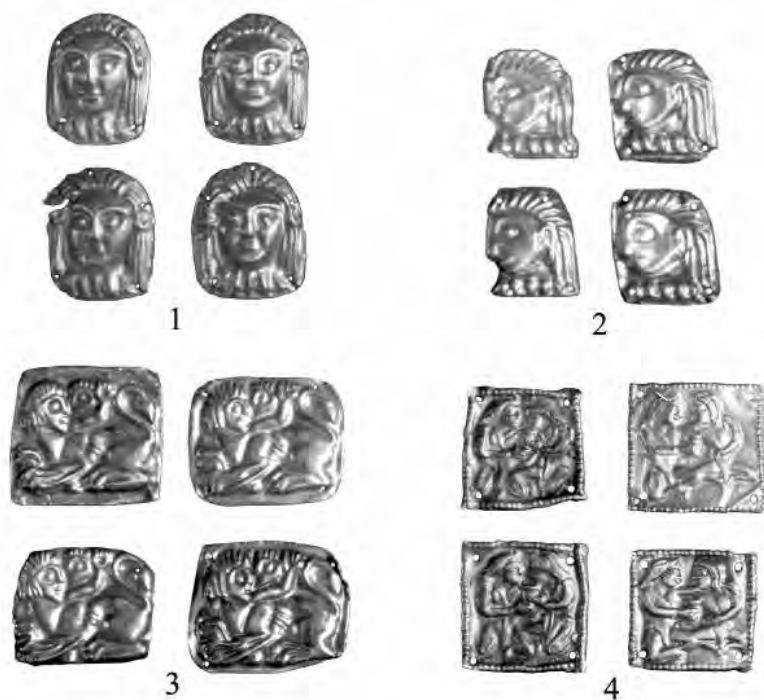

Рис. 5. Золотые аппликации с антропоморфными изображениями.

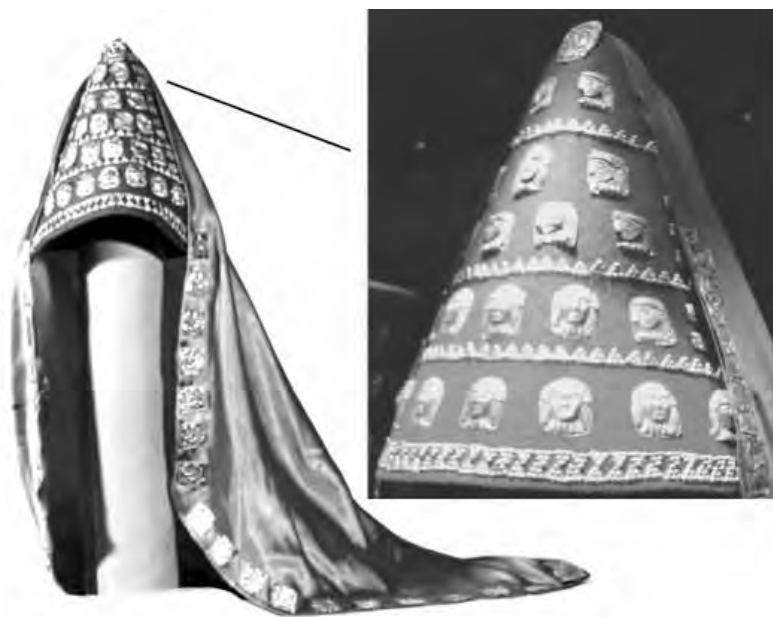

Рис. 6. Головной убор № 1 из Центральной могилы Бердянского кургана (реконструкция Л.С. Клочко).

Рис. 7. Головной убор № 2 из Центральной могилы Бердянского кургана (реконструкция Л.С. Ключко).

Рис. 8. Короткий кафтан из Центральной могилы Бердянского кургана (реконструкция Л.С. Ключко).

Рис. 9. Реконструкция женского костюма с золотым декором из Центральной могилы Бердянского кургана (автор Л.С. Ключко).